

Джоробекова Г.Э., Кондахчян АЛ.

К ВОПРОСУ ПРОБЛЕМ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

G.E. Dzhorobekova, AL. Kondahchyan

THE QUESTION SAFETY PROBLEMS CENTRAL ASIA

УДК: 342.128-45

В статье рассматриваются обеспечение национальной безопасности, а также внешний и внутренний политика государств в Центральной Азии.'

The article deals with national security, as well as foreign and domestic policy of the states in Central Asia.

Обеспечение национальной безопасности является одним из самых приоритетных направлений внутренней и внешней политики государств Центральной Азии. Внешнеполитический курс, степень его соответствия национальным интересам, также как и экономическое, социальное, нравственное состояние общества, внутривнутриполитическая ситуация в стране, являются определяющими для способности государства отстаивать свои интересы и на состоянии его безопасности. Национальная безопасность теснейшим образом связана с национальными интересами. [1]

Президент Республики Казахстан Н. Назарбаев 20 октября 1992 года на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН представил на рассмотрение мировой общности идею о созыве Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). Эта инициатива была продиктована стремлением внедрить в азиатскую реальность существующую мировую практику обеспечения безопасности и стабильности, дать ход развитию этого азиатского аналога «хельсинского процесса». [2] В 1993-1994 годах в рамках СВМДА были проведены встречи экспертов по вопросам безопасности на континенте. Инициативу поддержали 15 государств Азии и международные организации ООН, ОБСЕ, ОИК, ЛАГ. Членами СВМДА стали: Афганистан, Азербайджан, Китай, Египет, Индия, Иран, Израиль, Казахстан, Кыргызстан, Пакистан, Палестина, Россия, Таджикистан, Турция, Узбекистан. По оценкам авторитетных специалистов, перед странами региона стоял комплекс задач, которые продолжают оставаться актуальными и сегодня.

Наиболее приоритетные из них:

Разрешение территориальных споров;

Достижение реального прогресса в области разоружения и контроля над вооружениями;

Согласование мер в борьбе с незаконным оборотом наркотиков и обычных вооружений, терроризмом и международной преступностью;

Совместное решение экологических вопросов;

Обеспечение экономического роста в азиатских странах. [3]

Проблема **неурегулированных территориальных вопросов** является наиболее острой во взаимоотношениях многих стран региона, что не способствует укреплению атмосферы доверия и сотрудничества в Азии. Наиболее ярким очагом напряженности, разжигания межэтнических, межрелигиозных

конфликтов в Центральной Азии является Ферганская долина, наиболее густонаселенная территория, один из главных сельскохозяйственных районов Центральной Азии. Крупные города Ферганской долины - Наманган, Андижан, Худжанд, Ош - были духовными центрами мусульманского мира, именно в них располагались основные учебные центры религиозного управления. Население, в основном, исповедует ислам суннитского толка, хотя есть отдельные ираноязычные шиитские группы. [4] Конфликтный потенциал Ферганской долины начал реализовываться еще в последние годы существования Советского Союза. На территории долины в результате произвольного административного деления находились три союзные республики, впоследствии ставшие независимыми государствами: Узбекистан (Ферганская, Андижанская и Наманганская область), Кыргызстан (Ошская, Баткенская область) и Таджикистан (Ленинабадская область). Дополнительные осложнения приносит существование анклавов, узбекских - на территории Кыргызстана и таджикских - на территории Узбекистана и Кыргызстана. В открытой форме это проявилось в конфликте узбеков и турок-месхетинцев в Фергане в 1989 году, в столкновениях таджиков и кыргызов на границе двух республик в 1989 году и в Ошской трагедии в 1990 году. Всего в 1991 году на территории Центральной Азии имело место 36 конфликтов на национальной почве. [5] Большая межэтническая мозаика, повсеместная безработица, непосредственная близость с Афганистаном, высокий уровень религиозности населения, коррумпированность властей, насыщение региона наркотиками, легкие деньги от продажи и транспортировки наркотиков, межэтническая и межконфессиональная разобщенность, скрытая дискриминация по национальному признаку по-прежнему делают Ферганскую долину бомбой замедленного действия в Центральной Азии.

Терроризм с недавних пор стал глобальным, и это произошло в значительной степени благодаря его успешной адаптации к изменениям в международной экономике. Транснациональные террористы располагают последними достижениями науки и техники: современными средствами связи, последними видами оружия и взрывчатых веществ. Они обладают глобальными источниками финансирования, благодаря чему их трудно отследить и обезвредить. Терракты в отношении Центра международной торговли в Нью-Йорке и здания Пентагона в Вашингтоне, взрывы домов в Буйнакске, Волгодонске и в Москве, теракт на Пушкинской площади в Москве, захват больниц в Буденовске и Кизляре, взрывы в Ташкенте и Иерусалиме показали, что у терроризма нет границ и национальности. Террористы могут проникать в любую страну и в любое время. [6]

Вдвойне опасен терроризм, прикрывающийся религиозными канонами и догмами, играющий на чувствах верующих. Терроризм под знаменем ортодоксального ислама стал реальностью наших дней. Из всех мировых религий ислам наиболее динамично увеличивает численность своих последователей. Ислам - это почти миллиард верующих. Общины мусульман существуют в 120 государствах. В России почти 20 миллионов граждан исповедуют ислам.

Ислам по своему характеру в Центральной Азии неоднороден. Разные народы региона в разной степени привержены исламу, первыми идут таджики, узбеки, далее следуют кыргызы, казахи и туркмены.

Кыргызстан и Казахстан находятся примерно в равном положении. Как все бывшие кочевники, кыргызы и казахи не слишком религиозны, здесь ислам переплетен с языческими традициями, традициями общества. Специалисты используют термин «архаичный» для этого феномена. [7] Отдельные деятели культуры подчеркивали, что «Манас» - это национальная религия кыргызов. [8] Чокан Валиханов писал: «Ислам не проник в наши (казахские) тело и кровь». Русский географ В. Стрелецкий писал: «Кыргызы ассимилировали ислам в более поверхностной форме, чем таджики и узбеки». [9] Поэтому какой-либо экстремизм на религиозной почве практически исключен.

Лидеры центрально азиатских государств открыто декларируют, что их страны не будут полностью мусульманскими. [10] Казахстан и Кыргызстан сделали выбор в пользу турецкой модели - светский характер государственности, для других стран характерен скорее «пакистанский вариант» - исламская республика со светским управлением. [11]

Исторически оседло-земледельческие этносы Центральной Азии имеют более глубокие религиозные корни, чем конно-кочевые народы региона. В Узбекистане Президент Ислам Каримов подавляет любой религиозный экстремизм и активно противодействует попыткам Пакистана, Ирана, Саудовской Аравии поддерживать деятельность радикальных организаций. Узбекистан среди государств Центральной Азии более всего привлекателен для радикальных исламистов. Президент И. Каримов заявил, что противодействие религиозному экстремизму - это не только проблема Узбекистана, это отражение региональных и глобальных тенденций. [12] В Таджикистане исламисты входят в правительство, в Узбекистане создают большую и влиятельную оппозицию и имеют потенциал сильного влияния на общество.

Многие специалисты ставят под сомнение саму возможность появления в Центральной Азии государств с чисто исламской формой правления. Процессы, происходящие в Центрально азиатском регионе, свидетельствуют больше о легализации еще недавно полуподпольных религиозных институтов, нежели о взрыве религиозности. Главное же препятствие для возникновения исламских государств находится в специфике местной интеллектуальной элиты. Положение членов этой социальной прослойки достаточно двойственно. Большинство из

них - выходцы из сельской местности и, следовательно, получили воспитание в традиционном азиатском обществе. В то же время участие на равных правах в интеллектуальной жизни советского общества наложило свой отпечаток. [13] Довольно резко ограничивают фундаменталистские движения правящие круги, видя в них угрозу себе и политической стабильности. Элитная часть молодежи обучается в европейских или американских ВУЗах. Молодое поколение, будущая элита этих государств в значительной мере интегрирована в европейскую массовую культуру и нередко своим родным языком называет русский язык.

Таким образом, ислам не имеет решающего влияния на межгосударственные отношения в Центральной Азии. Исламская солидарность в регионе второстепенна и большей частью - созданная видимость. Тем не менее, нельзя недооценивать угрозу разжигания конфликтов с использованием исламского фактора. Причинами этого могут стать ухудшение экономической обстановки в регионе, нарастание экономического кризиса и, как следствие, социальной напряженности. В результате проведения Россией антитеррористической операции в Чечне силы международных террористов могут перекинуться в Центральную Азию и слиться с центрально-азиатскими экстремистами. Поэтому активизация исламского экстремизма в Центральной Азии является угрозой для всех стран Евразийского континента. Радикальные исламисты не ограничиваются террористическими актами, они подрывают политическую либерализацию стран, задерживают модернизацию и демократические реформы.

Происходит политизация ислама, когда радикальные организации претендуют на власть в отдельных странах и регионах, заявляют о готовности прихода к власти вооруженным путем.

Теракты в США заставили по-новому взглянуть на ситуацию в Центральной Азии. Не исключено, что именно этот регион может стать своего рода испытательным полигоном для исламских радикалов, объявивших войну западной цивилизации. [14]

Литература:

1. Маслов В. Региональная безопасность. - Москва - Бишкек, 2000. С. 12
2. Укрепление безопасности в Европе/Евразии. Материалы международной научно-практической конференции. - Москва: Научная книга, 2000. С. 87
3. Токаев К. Дипломатия Республики Казахстан. - Астана: Елорда, 2001. С.367
4. Многомерные границы Центральной Азии. Под редакцией Марты Брилл Олклотт и А. Малашенко- Гендальф - Москва, 2000. С.44.
5. Лунев С. Вызовы безопасности южных границ России. - М., 1999. С. 68.
6. Укрепление безопасности в Европе/Евразии. Материалы международной научно-практической конференции. - М.: Научная книга, 2000. С. 64.
7. Alexei Malashenco. Islam in Central Asia // Centra! Asian Security. Editors by R.Allison, LJonson. London, Washington D.C. 2001. P. 49.
8. Акматов Б. «Манас» кыргыдын улуттук дини // Асаба., 1992,18 июнь

9. Alexei Malashenco. Islam in Central Asia // Central Asian Security. Editors by R.Allison, L.Jonson. - London - Washington D.C.2001.P.52, 53.
10. Alexei Maiashenco. Islam in Central Asia // Central Asian Security. Editors by R.Allison, L.Jonson. London - Washington D.C.2001.P.49-50.
11. Российская Федерация, ее субъекты и «ближнее зарубежье»: Геополитические проблемы. Специализированная информация. - М., 1993. С. 14.
12. Левитин Л. Узбекистан на историческом повороте. - М.: Вагриус, 2001 С .248
13. Российская Федерация, ее субъекты и "ближнее зарубежье": Геополитические проблемы. Специализированная информация. - М., 1993.С. 14.
14. Ротарь И. Центральная Азия - следующая мишень экстремистов // Независимая газета. 14 сентября 2001.

Рецензент: д.полит.н., профессор Артыкбаев М.Т.